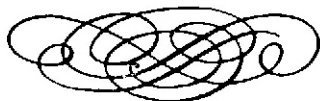

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

SIECLE DES LUMIERS

Москва — Париж
Издательство «Наука»
1970

Moscou — Paris
Edition «Nauca»
1970

Сборник «Век Просвещения» — первое совместное франко-советское издание, выходящее одновременно на русском и французском языках в Москве и Париже. На его страницах выступают известные французские и советские историки, изучающие один из самых ярких периодов в истории мировой культуры и общественной мысли — эпоху Просвещения. Сборник представляет особый интерес для читателя, ибо он посвящен живым образом малоисследованным аспектам истории Просвещения.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание является одной из форм научного сотрудничества советских и французских ученых-историков. Сборник статей выходит под общей редакцией, на русском и французском языках, одновременно в Москве и Париже. По взаимному соглашению Редакция публикует статьи авторов, представленные каждой из сторон, без существенных изменений.

Редакция надеется, что настоящее издание будет началом последующего плодотворного сотрудничества советских и французских историков.

Редакционная коллегия:

Ф. БРОДЕЛЬ,
А. ГУБЕР,
А. МАНФРЕД,
Р. ПОРТАЛЬ,
М. ФЕРРО

Мишель Лоне

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА из НАРОДА:
СЫН ЧАСОВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА (1712-1728)

Лев Семенович Гордон

ТЕМА «БЛАГОРОДНОГО РАЗБОЙНИКА» МАНДРЕНА
в ИДЕЙНОЙ ЖИЗНИ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Геннадий Семенович Кучеренко

ЖАН МЕЛЬЕ и ФРАНЦУЗСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ XVIII века

Борис Федорович Поршнев

МЕЛЬЕ, МОРЕЛЛИ, ДЕШАН

Даниель Рош

УЧЕНЫЙ и его БИБЛИОТЕКА

Книги неперменного секретаря Академии наук,
члена Академии г.Безье
Жана Жака Дорту де Мэрана

Хачик Нишанович Момджян

ДИАЛЕКТИКА в МИРОВОЗЗРЕНИИ ДИДРО

Ж. Эрар

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ и РОМАН,
или ПАРАДОКСЫ ДЕНИ-ФАТАЛИСТА

Эдуар Лемэ

РОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ во ФРАНЦИИ:

Жан-Никола Деменье и изучение привычек и обычаев в XVIII веке

М. Дюше

МИР ЦИВИЛИЗАЦИИ и МИР ДИКРЕЙ.
ОСНОВЫ АНТРОПОЛОГИИ у ФИЛОСОВОВ

Инесса Ивановна Сиволап-Кафтанова

ВОЛЬТЕР о ГРАЖДАНСКОМ ДОЛГЕ ПИСАТЕЛЯ

Виктор Моисеевич Далин

РУССО в ОЦЕНКЕ БАБЕФА

к 250-летию со дня рождения Руссо

и к 200-летию «Общественного договора»

Абгар Рубенович Иоаннисян

ФРАНСУА БУАССЕЛЬ и ИДЕЯ СОЦИАЛИЗМА
в ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

См. монографию автора по теме:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p83411267.htm>

Виктор Моисеевич Далин

РУССО в ОЦЕНКЕ БАБЕФА к 250-летию со дня рождения Руссо и к 200-летию «Общественного договора»

1

всех великих мыслителей XVIII в. Жан-Жак Руссо оказал, это можно утверждать с полной уверенностью, наиболее глубокое и важное влияние на Бабефа, особенно в период его идейного со-
здания.

Первые документы о Бабефе, которыми мы располагаем, — его письма к отцу 1779—1780 гг. Но в этих юношеских письмах, с их наивным описанием «изгнания червей» и трогательными жалобами на отсутствие приличной одежды для посещения судов, ничто еще не предвещает будущего «Трибуна народа». В последующие пять лет мы имеем только деловую переписку Бабефа-февдиста. Но начиная с 1785 г. мы располагаем первоклассным источником — перепиской Бабефа с секретарем Арасской комиссии Дюбуа де Фоссе. И эта переписка позволяет судить о огромном скачке, который произошел в интеллектуальном развитии Бабефа за предельно короткий срок. Он не только чрезвычайно расширил круг своих знаний, — к 1786 г. у Бабефа сложились уже определенные, довольно зрелые социальные идеи. Под каким влиянием? Конечно, решающую роль играла социальная обстановка, но все же должны были быть определенные авторы, определенные произведения, которые помогли оформить наблюдения и размышления Бабефа. И мы едва ли ошибемся, если выскажем предположение, что этим автором стал Руссо, а этим произведением — «Речь о происхождении и основах неравенства между людьми», представленная на конкурс Дижонской академии в 1758 г.¹

¹ J. Rousseau. Oeuvres, t. II. Amsterdam, MDCCLXIX. (Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes).

Разумеется, Бабеф, как и тысячи передовых людей его века, знал и высоко ценил Руссо как автора знаменитого «Эмиля», и педагогические идеи этого произведения едва ли имели другого более страстного приверженца, чем скромный пикардийский февдист. Но прежде всего и раньше всего Руссо был для Бабефа автором «Речи о происхождении неравенства»; именно эта работа оказала на него самое сильное и самое прочное влияние.

В этом убеждают нас все произведения Бабефа, в частности его рукописная тетрадь «Философский свет». Во всех своих рассуждениях о связи между развитием земледелия и установлением частной собственности, о значении собственности для развития общества и государства Бабеф исходил именно из этого произведения Руссо, из которого он чрезвычайно много заимствовал. «Учение Руссо в первом своем изложении, можно сказать, блистательно обнаруживает печать своего диалектического происхождения», — писал Энгельс, имея в виду как раз эту «Речь» Руссо. Можно не сомневаться, что те элементы диалектики, которые мы находим в высказываниях Бабефа о собственности, идут прежде всего от Руссо и его «Речи». Знаменитые слова — «Истинным основателем общества был тот, кто первый огородил свой участок земли, решился сказать «это мое» и нашел достаточно простых людей, чтобы ему поверить. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдерну колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому», — давали ответ на все те мучительные вопросы, которые ставила перед Бабефом социальная обстановка предреволюционной Франции. В идеальном развитии Бабефа «Речь о происхождении неравенства» была важнейшей вехой, и недаром именно это произведение и как раз эти слова напомнил он в своей последней речи на Вандомском проспекте, когда утверждал, что, «не колеблясь», мог бы назвать Руссо «председателем общества флореальских демократов» (как известно, бабувисты были арестованы в флореале IV года — мае 1796 г.). С горькой проницательностью Бабеф говорил о том, что аргументы, выдвинутые в обвинительном заключении против взглядов бабувистов о губительную роль частной собственности, могли бы быть целиком обращены и против Руссо: «И вот и ты, Руссо, и вот твоя знаменитая речь о неравенстве» (курсив наш. — В. Д.) победоносно опровергнуты. Получил ли бы ты эту премию Дижонской академии

² См.: M. Dommanget. Babeuf et l'éducation. — «Annales Historiques de la Révolution française», 1960, № 162.

ли бы глубокомысленный автор обвинительного заключения по флореальскому заговору там присутствовал бы? О, в наши дни победы он не был бы допущен к конкурсу, обвинитель его разослал бы, ему предъявили бы приказ об аресте... и он оказался здесь на скамье подсудимых»³.

Трудно сказать, когда Бабеф изучал «Общественный договор», — он конспектировал эту книгу уже в первые годы революции, и его отношение к ней было более сложным, чем к «Речи о происхождении неравенства». Но он очень высоко ценил девятую главу первой книги, содержащую суждения о социальном неравенстве. Эта глава привлекла к себе и внимание молодого Маркса, когда он впервые в 1843 г. конспектировал «Общественный договор», и чрезвычайно любопытно, что некоторые из их выписок почти буквально совпадали. Особое значение Бабеф придавал следующей мысли Руссо: «При других правительствах это равенство является только мнимым и иллюзорным, оно служит только для того, чтобы сохранять бедняку его нищету, а богачу — возможность эксплоатации. В действительности их законы всегда полезны для тех, кто владеет, и губительны для тех, кто ничего не имеет; отсюда следует, что пребывание в обществе (état social) только тогда полезно для людей, когда все они чем-нибудь владеют, но никто не имеет слишком много (l'état social n'est avantageux aux hommes qu'autant qu'ils ont tous quelque chose et qu'aucun n'a rien de trop)»⁴. Эту мысль Руссо Бабеф повторял многократно, он называл ее «эликсиром» «Общественного договора».

В своеобразном коммунистическом катехизисе, составленном им в 1795 г. в Арасской тюрьме и распространявшемся в парижских тюрьмах накануне 13 вандемьера (он сохранился в личном архиве А. Жюльена), мы находим эту же, чуть перефразированную мысль на Руссо: «Пусть все имеют достаточно и никто не имеет слишком много (il faut que chacun ait assez et qu'aucun n'ait de trop)». Эта мысль является эликсиром Общественного договора. Флоревский философ не мог развить ее более подробно в то время, когда он жил, но ее совершенно достаточно для тех, кто умеет понимать»⁵. Вполне возможно, что как раз эту мысль Бабеф и имел

«Défense générale du Gracchus Babeuf devant la Haute-Cour de Vendôme» (V. Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. Paris, 1884, vol. 2, p. 44—48).

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 223, оп. 1, № 307 («Chronique. Sur la question agraire»).

ЦПА ИМЛ, ф. 317, № 767. Эту же мысль мы встречаем почти дословно и в «Манифесте плебеев» в № 35 «Трибуна народа» («J.-Jacques a mieux

в виду, когда говорил в Вандоме о том, что «несколько слов» Руссо иногда стоят «целых томов»⁶.

Но на Бабефа оказали влияние не только социальные идеи Руссо: уже в годы революции его внимание привлекли некоторые его политические идеи. Первый год Французской революции глубоко разочаровал тех демократов, — к их числу принадлежал Бабеф, — которые искренне верили, что провозглашение великих принципов Декларации прав принесет с собой установление подлинного народного доверия, подлинного народного суверенитета. Все чаще убеждаясь в призрачности провозглашенной демократии, Бабеф задумывался над возможными гарантиями ее осуществления, и в эти поисках он очень часто возвращался к Руссо, с его скептическим отношением к «представительному» правительству. В неопубликованной рукописи третьего номера «Газеты Конфедерации», отстаивая необходимость сохранения парижских дистриктов, он писал: «Старайтесь возможно реже быть представленными и будьте возможно чаще своими собственными представителями... Если народ является сувереном, он должен сам, поскольку это возможно осуществлять свой суверенитет, и именно это должно составлять его главное занятие. Иначе, как говорит Жан-Жак, когда общественные дела перестают быть главным занятием граждан и они предпочитают служить им кошельком, а не участвовать в них лично, государство уже близится к своей катастрофе»⁷.

Именно к этому периоду (1790—1791) относятся упомянутые уже нами выписки Бабефа из «Общественного договора». Одна из мыслей Руссо уже тогда привлекала его внимание: «С того момента, как народ дает себе депутатов, он уже не имеет свободы, он уже ее лишен»⁸.

Эту мысль Руссо Бабеф напоминал не раз, в частности в 1792 г. в своей речи на аббевильском собрании выборщиков в Конвент, где он отстаивал необходимость лишить депутатов возможности искажать волю своих доверителей⁹. Но характерно, что, внимательно задумываясь над пессимистическими оценками Руссо, Бабеф по-

précisé ce même principe, quand il a écrit: *Pour, que l'état soit perfectionné, il faut que chacun ait assez, et qu'aucun n'ait trop.* Ce court passage est, à mon sens, l'elixir du contrat social. Son auteur l'a rendu aussi intelligible qu'il le pouvoit faire au tems où il écrivait. et ce peu de mots suffit à qui sait entendre. — «Le Tribun du Peuple», № 35).

⁶ См.: «Défense générale...», p. 46 («quelques mots de lui sont des volumes»).

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 179—180.

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 307.

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 338 («...После того как закончены выборы народ проявляет себя только через своих посредников, он уже теряет свою полную свободу»).

и настойчиво искал форм, которые все-таки надежно обеспечивали бы народный суверенитет при представительном образе правления. Так, уже в первые месяцы термидорианской реакции, подчеркивая значение народных обществ для осуществления контроля народа над агентами государственной администрации, Бабеф писал, что «таким путем может быть опровергнут в значительной мере принцип Жан-Жака, который утверждает, что представительное правительство является чисто аристократическим, потому что народ не участвует непосредственно в законодательстве»¹⁰.

Руссо являлся для Бабефа в известной мере образцом жизненного поведения. Его «Исповедь» он прочитал в 1789 г. с восторгом и характеризовал ее, как «шедевр анализа»¹¹. В самые различные периоды своей жизни он вспоминает Жан-Жака, ссылается на него, сравнивает себя с ним. «Полезное, полезное! — пишет он в 1791 г. Купе, — вот что подавляет во мне все второстепенные заботы... из-за чего я кажусь нелюдимым, стеснительным, сконфузированным, как и Руссо, который никак не мог этого преодолеть. Он, как и я, вероятно, мы немного похожи друг на друга, всегда нас занимает одна цель, она нас целиком поглощает»¹². «У меня до известной степени философский характер, — пишет он о себе голландцу Макерстроту весной 1793 г., — у меня нет обычного недостатка французов, их болтливости. Я, наоборот, лаконичен, как швейцарец, я размышляю, задумываюсь так же, как в свое время делал Руссо. Как и для него, поиски способов осуществления общественного благосостояния составляют мою постоянную заботу»¹³. Руссо для него — высший образец нравственности: «Предъявлять мне обвинения в подкупности, в подделках так же абсурдно, как если бы такие обвинения выдвигались против Руссо»¹⁴. Даже тогда, когда он не следует примеру Руссо, он считает себя обязанным как-то перед ним оправдаться. Испытывая весной 1793 г. невероятную нужду, он часто сожалеет, что не обладает тем средством, которое выручало Руссо, — не умеет переписывать ноты. Даже в этих условиях полной нищеты Бабеф, очень нежный человек, не решает последовать примеру Руссо и расстаться со своими детьми. В письме Сильвену Марешалю он взывает к Жан-Жаку: «Быток твоей чувствительности не давал тебе возможности справиться с мыслью, что когда-либо ты не в состоянии будешь обес-

Journal de la liberté de la presse», № 6.

Confessions de Rousseau... chef d'oeuvre d'analyse».

Espinass. La philosophie sociale du XVIIIe siècle et la Révolution. Paris, 1898, p. 404.

ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 210.

ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 395.

такое высокое представление. Я несколько не сомневаюсь, что, если бы он не был занят относительно маленькими греческими республиками, он дал бы произведение, гораздо более достойное его. Такой же упрек он делает и Руссо, «Общественный договор» которого «разумнее и точнее» было бы назвать «Предположения о природе общественного договора и принципах политического права». «Жан-Жак Руссо видел только Женеву, занимался только Женевой... делал предположения только для Женевы. И этот тип правительства, едва ли мыслимый для Европы, непригодный в других частях света, догматически представляется нам, как тип правительства для всего человеческого рода». И Бабеф сопровождает эту критику поистине блестящей социальной характеристикой Руссо: «Это вызывает представление о маленьком, вдумчивом, трудолюбивом, по необходимости экономном землевладельце, который желал бы уничтожить все крупные владения по той причине, что в Швейцарии невозможно использование крупных зданий, снабжение транспортом и сельскохозяйственными орудиями, скотом, рабами, которые оживляют все эти крупные сельскохозяйственные владения. Ему кажется, что он открыл все, что необходимо процветания его маленького поля, его небольшого луга, его небольшого виноградника, его маленького птичьего двора, — остальное кажется ему не только излишним, но чудовищным разрушительным для разумной культуры»²². Эту совершенно своеобразную и исключительно интересную критику мелкобуржуазных черт учения Руссо В. П. Волгин считает одним из свидетельств «большой оригинальности социальной мысли» Бабефа, сделавшего уже тогда несомненный шаг вперед по сравнению с идеями Руссо.

Не менее интересна и критика отношения Руссо к Иисусу Христу, которая относится косвенно и ко всей главе «Гражданская религия», добавленной к «Общественному договору» вскоре после разрыва Руссо с энциклопедистами. В оставшейся незаконченной рукописи 1793 г. «Новое жизнеописание Иисуса Христа» Бабеф собирался «беспощадно напасть» на «главного идола, которому до сих пор чтити и боялись наши философы, осмеливавшиеся падать только на его свиту и все окружение». Он критикует в нем «наиболее смелых антипапистов», «всех республиканцев, вооруженных наилучшими принципами», но не решившихся доказать «ничтожество основателя христианства». И эту критику Бабеф начинает как раз с Руссо: «Ты первый, Жан-Жак, почему ты при-

иллюзии людей в отношении того, кто причинил им больше зла, чье странное непостоянство в жизни принесло столько бед нашей земле и обогатило ее таким количеством крови? О, сколько ты кажешься ниже себя (первоначально в рукописи было: «О, как я сержусь на тебя!» — В. Д.), когда ты искренне восхищаешься евангелием и как будто бы чистосердечно сомневаешься в том, был ли его автор только человеком»²⁴. В почти одновременно написанном письме к издателю «Парижских революционных» Приюдому Бабеф отзывался о Руссо еще более резко: «Руссо никогда не казался мне столь мелким (si petit), как тогда, когда он хвалил его (Иисуса. — В. Д.) и его справедливость»²⁵. Критикуя одновременно Эбера, называвшего Иисуса санкюлотом, Бабеф писал: «Жан-Жак, отец Дюшен... я не боюсь опровергнуть всех. Христос был только человеком, он не был ни санкюлотом, ни известным якобинцем, ни мудрецом, ни моралистом, ни философом, ни законодателем»²⁶. Со стороны Бабефа это была критика не только позиции Руссо по отношению к Христу, но и всей руссоистской концепции «гражданской религии», оказавшей такое огромное влияние не только на робеспьеристов с их «культом Верховного существа», но даже и на Буонарроти.

Историки социальной мысли всегда интересовались вопросом об отношении между идеями Руссо и социализмом. Здесь не место подробно разбирать эту проблему. Но, как нам представляется, оценка Руссо, которую мы находим у Бабефа, дает очень многое для правильного решения этой проблемы.

Бабеф в месяцы, а возможно, недели, предшествовавшие аресту, читал ответ Руссо лионскому академику Борду на его возмущения по поводу первого трактата «Sur les sciences et les arts». Из выписок Бабефа — она фигурировала впоследствии на процессе — особенно любопытна: «Я не предлагаю довести людей до такого состояния, чтобы они довольствовались самым необходимым. Я хорошо знаю, что не нужно составлять химерических проповедей... Но я считал себя обязанным сказать, не скрывая, всю правоту той от меня требовали... Я видел зло и попытался обнаружить его причины. Другие, более смелые или более безрассудные, пытаются найти средства излечения (les remèdes)»²⁷. Эти последние слова Руссо были Бабефом выписаны крупными буквами

²² ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 399.

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 240—241.

²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, № 399.

²⁵ Archives Nationales, W³ 561/15 (по фотокопии в ЦПА ИМЛ, ф. 223); см. также: «Suite de la Copie des pièces saisies dans le local, que Babeuf occupait lors de son arrestation», vol. 2. Paris, an V [1796], p. 74—76.

²⁶ Там же, стр. 148.

и подчеркнуты резкой чертой,— они отвечали его мыслям. Нет сомнения, что к числу этих «более смелых» он относил себя и других участников движения «во имя равенства». Но к числу своих прешественников, своих «суфлеров», как он говорил на суде в Вандоме, он всегда относил Руссо, как бы решительно и иногда очень резко он его ни критиковал.

В этой оценке Руссо виднейшим революционно-утопическим коммунистом XVIII в. историк найдет для себя очень много ценного и поучительного. В ней уже явственно обозначается водораздел между передовой, но все же ограниченной мелкобуржуазной социальной мыслью Руссо и еще незрелым, утопическим, уже коммунистическим мировоззрением Бабефа.

Некоторые тематически связанные материалы

Все материалы о Бабефе

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

о Жан-Жаке Руссо

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

другие работы В.М.Далина

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>